

Распутин. Жизнь и смерть

Автор:

Эдвард Радзинский

Распутин. Жизнь и смерть

Эдвард Станиславович Радзинский

Эдвард Радзинский. Лучшее

Я всегда опасался писать о нем. И не только потому, что в теме есть привкус вульгарности: Распутин – один из самых популярных мифов массовой культуры XX века. Опасался, потому что не понимал его, хотя прочел о нем множество книг. Многие написаны были весьма добросовестно, но под пером исследователей исчезало главное – его тайна.

Он зыбок, он странно меняется. Очень точно сказала о нем великая княгиня Ольга, сестра последнего царя: «Он менялся, как хамелеон». О том же пишут и другие: «Когда вспомнишь эту его диковинную особенность мгновенно изменяться... сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него еле шевелится, и слова ползут неповоротливо... и вдруг превращается он во вдохновенного пророка... и... новый скачок перевертыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает какой-то хищный, безудержный, как молодой зверь... и вот уже... на месте распоясанного охальника сидит серый сибирский странник, тридцать лет ищущий Бога по земле», – вспоминала Жуковская.

Но главная его тайна, которую я никак не мог понять, – это ослепление Царской Семьи.

Эдвард Станиславович Радзинский

Распутин. Жизнь и смерть

Пролог. Охота за документами

Тайна

Накануне Рождества Христова, 19 декабря 1916 года (в том последнем декабре Романовской империи) в Петрограде на речке Малая Невка всплыл труп – покрытый ледяной коркой, с изуродованным лицом. Поражали руки – связанные руки были подняты. Будто там, подо льдом, избитый и простреленный человек все еще жил, все пытался освободиться от пут...

Как напишет в отчете полиция, множество людей с флягами, кувшинами и ведрами устремились в те дни к реке. Они черпали воду, где еще недавно плавало страшное тело, они словно надеялись зачерпнуть с водой и дьявольскую, неправдоподобную силу этого таинственного человека, о котором знала вся Россия.

Я всегда опасался писать о нем. И не только потому, что в теме есть привкус вульгарности: Распутин – один из самых популярных мифов массовой культуры XX века. Опасался, потому что не понимал его, хотя прочел о нем множество книг. Многие написаны были весьма добросовестно, но под пером исследователей исчезало главное – его тайна.

Его лицо (запечатленное на множестве фотографий) довольно одинаково описывается людьми, встречавшимися с ним: обветренное, опаленное солнцем морщинистое лицо пожилого русского крестьянина – узкое, с крупным бугристым носом, полными плотоядными губами и длинной бородой. Волосы разделены на пробор и начесаны на лоб, чтобы скрыть (по словам его дочери) странную шишку высоко на лбу, напоминающую зачаток рога... Его глаза, также

одинаково описанные разными свидетелями, притягивают даже на фотографиях. «Этот мгновенно загорающийся магнетический взгляд светлых глаз, в которых смотрит не один зрачок, а весь глаз» (Жуковская); «глубоко сидящие глаза... долго выдержать его глаза невозможно» (Джанумова); «гипнотическая сила, которая светилась в его необыкновенных глазах» (Хвостов)...

Но далее начинается тайна: очевидцы описывают совершенно разное. В свое время я не без удовольствия выписал все эти противоречия: «высокий», «невысокий», «по-крестьянски опрятный», «грязный и неряшливый», «худой», «коренастый с широкими плечами»... Певица Беллинг, много раз видевшая Распутина, пишет о его «гнилых зубах и зловонном дыхании». А писательница Жуковская, весьма близко его знавшая, сообщает: «Зубы были у него безукоризненные и все до одного целы, а дыхание совершенно свежее... белые хлебные зубы, – крепкие, точно звериные...» «Рот был очень велик, но вместо зубов в нем виделись какие-то черные корешки», – пишет его секретарь Симанович. «Крепкие белые зубы» увидел у Распутина его почитатель Сазонов...

Он зыбок, он странно меняется. Очень точно сказала о нем великая княгиня Ольга, сестра последнего царя: «Он менялся, как хамелеон». О том же пишут и другие: «Когда вспомнишь эту его диковинную особенность мгновенно изменяться... сейчас сидел простой, неграмотный мужичок, грубоватый, почесывающийся, и язык у него еле шевелится, и слова ползут неповоротливо... и вдруг превращается он во вдохновенного пророка... и... новый скачок перевертыша, и с диким звериным сладострастием скрипят белые зубы, из-за тяжелой завесы морщин бесстыдно кивает какой-то хищный, безудержный, как молодой зверь... и вот уже... на месте распоясанного охальника сидит серый сибирский странник, тридцать лет ищущий Бога по земле», – вспоминала Жуковская.

Но главная его тайна, которую я никак не мог понять, – это ослепление Царской Семьи.

«Старец» – так называла Распутина императрица Александра Федоровна. Но как она, прочитавшая множество книг о православии, знавшая жития знаменитых старцев, могла называть «старцем» мужика, погрязшего в блуде и пьянстве?

Она не верила рассказам о нем? Не верила – кому? Придворным? Это понятно. Отчетам полиции? И это объяснимо. Не верила Романовской семье? Матери мужа-царя не верила? Это объяснить труднее, однако все-таки можно. Но как она могла не верить своей сестре? Любимой и воистину святой старшей сестре Элле, с которой была так близка? А может быть, она попросту не хотела верить?

А сам царь? Почему он соглашался с ослепленной женой? Неужели все дело было в том, что Распутин спасал их больного сына? И этого достаточно, чтобы возникло восторженное поклонение, точнее – обожествление? Чтобы возник пугающий симбиоз: религиознейшая семья, однолюбь царь и царица, их чистые дочери – и рядом похотливый мужик, чьи проделки были притчей во языцех? Неужели здоровье ребенка заставило их молчаливо согласиться на уничтожение престижа династии, на неминуемую катастрофу, о которой им все без исключения твердили? Согласиться забыть свой долг перед страной?

Тогда пойдем и пожалеем добрых и несчастных родителей. Но как относиться к властителям – виновникам катастрофы, постигшей Россию в 1917 году и унесшей не только их жизни, не только жизнь их мальчика, но жизни миллионов их подданных?

Или была какая-то совсем иная причина их удивительной веры в этого человека? Совсем иное объяснение его поступков?

В начале века, когда всплыл страшный труп, все было так ясно: Распутин – слуга Антихриста. Так говорила тогда и верующая, и неверующая Россия... чтобы спустя 80 лет вновь задавать себе вопрос: кто же он все-таки был – Григорий Ефимович Распутин?

Тюремный «бал»

Я давно понял: только когда найду «То Дело» – смогу попытаться ответить на этот вопрос. Я знал, что «То Дело» должно существовать.

В 70-х годах, когда я писал книгу о Николае II, мне, естественно, приходилось обращаться к бумагам Чрезвычайной комиссии Временного правительства.

В марте 1917 года, после победы Февральской революции, в казематах Петропавловской крепости стало многолюдно. Сюда, в камеры русской Бастилии, где при царе сидели политические преступники, были доставлены те, кто их туда сажал. Люди, еще недавно вершившие судьбы России – бывшие премьер-министры Штюрмер и Голицын, министр внутренних дел Протопопов, руководитель департамента полиции Белецкий и сменивший его на этом посту Васильев, министр двора престарелый граф Фредерикс, председатель Государственного Совета Щегловитов, дворцовый комендант Воейков, ближайшая подруга царицы Вырубова, и прочие, и прочие, – собрались в крепостных камерах, вечно сырых от наводнений. Как напоминало это общество недавние балы в Зимнем дворце...

4 марта 1917 года Временным правительством была образована «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». И теперь в Зимнем дворце, куда столь недавно министры являлись в орденах и лентах, заседал Президиум Комиссии, а следователи выезжали вести допросы в Петропавловскую крепость. Протоколы обрабатывал первый поэт России – Александр Блок. В своих записных книжках он описал и атмосферу допросов, и Зимний дворец с пустым тронным залом, «где вся материя со стен была содрана, а трон убран, потому что солдаты хотели его сломать».

Протоколы допросов готовились к изданию – вся страна должна была узнать, что же творилось там – за кулисами режима, в таинственном Царском Селе. И одним из главных вопросов, на который должна была ответить Комиссия, был вопрос о деятельности полуграмотного русского мужика Григория Распутина.

«13-Я ЧАСТЬ»

Президиум Комиссии и 27 ее следственных частей с марта 1917 года и вплоть до Октябрьского переворота вели непрерывные допросы своих блестящих

заклученных.

Особая следственная часть, имевшая выразительный номер 13, специально занималась «обследованиём деятельности темных сил». На политическом жаргоне того времени «темными силами» именовались Распутин, царица и приближенные к ним лица. Влияние Распутина на бывшего царя – вот что было основным содержанием работы 13-й части. Во главе ее стоял Ф.П. Симеон – бывший председатель Харьковской судебной палаты. Допросы вели однофамильцы Владимир и Тихон Рудневы и Григорий Гирчич, следователи, прикомандированные к Комиссии из провинциальных судов (тут идея была: провинциальные следователи не связаны с находившейся под следствием столичной правящей верхушкой).

А потом грянул переворот, и захватившие власть большевики покончили с Временным правительством. И вчерашние министры отправились в те же камеры Петропавловской крепости. Там их не без юмора встретили царские министры, которых они так недавно туда посадили...

Прекратили большевики и деятельность Чрезвычайной комиссии. Но часть допросов важнейших царских министров все же решили опубликовать к 10-летию революции. Издание должно было «показать маразм царской власти», которой руководил невежественный развратный мужик Григорий Распутин.

К тому времени обрабатывавший стенограммы допросов Александр Блок уже умер (но успел увидеть, как «мировая революция превратилась в грудную жабу»). Издание осуществил один из самых видных деятелей Комиссии П. Щеголев. До революции он был редактором знаменитого журнала «Былое». Этот печатный орган «совсем революционного настроения» не раз закрывался царскими властями. Лев Толстой говорил: «Если бы я был молод, то после чтения «Былого» я взял бы в обе руки по револьверу»... При царе Щеголев успел побывать и в камере Петропавловской крепости, где впоследствии сам допрашивал посадивших его туда. Но после прихода большевиков вчерашний неподкупный Щеголев весьма переменился – стал послушным помощником новой власти, выступал экспертом на процессах, устроенных большевиками.

Семь маленьких томиков «Протоколов Чрезвычайной следственной комиссии» – вот и все, что было опубликовано Щеголевым из огромного материала допросов.

Эти томики и стали на долгие годы главной документальной основой всех книг, написанных о Распутине.

Исчезнувшее «дело»

Только спустя почти четыре десятка лет к ним прибавился еще один поразительный документ о Распутине, и тоже из материалов Комиссии.

В 1964 году вышел сенсационный номер журнала «Вопросы истории», и его жадно читали тогда не только специалисты. Там впервые начали печатать «Постановление следователя Чрезвычайной комиссии Ф. Симеона о деятельности Распутина и его приближенных лиц и влиянии их на Николая Второго в области управления государством», хранившееся прежде в секретной части Архива Октябрьской революции (ныне Государственный архив Российской Федерации). Это постановление и было итогом работы 13-й части.

Я прочел этот номер позже, когда начал работать над книгой о Николае II. Содержание «Постановления» произвело ошеломляющее впечатление. В нем Симеон щедро цитировал показания лиц из ближайшего окружения Распутина: его издателя Филиппова; его друга Сазонова, на квартире которого проживал Распутин и с женой которого он находился в самых тесных отношениях; знаменитой Марии Головиной – верной обожательницы Распутина, ставшей невольной причиной его гибели; петербургских кокоток, с которыми мужик был связан нежными узами; и так далее...

Но в изданных Щеголевым «Протоколах» все эти показания отсутствовали. Ибо это были показания людей, любивших Распутина, чья точка зрения была неприемлема для Щеголева.

Впрочем, вырванные цитаты, которые приводил в своем отчете Симеон, мало что меняли. В «Постановлении» он старательно защищал ту же идею, которую проводил Щеголев в своей публикации: рисовал все тот же образ развратного мужика, обезумевшего от пьянства и вседозволенности, который руководил и Царской Семей, и согласившимися прислуживать фавориту коррумпированными министрами.

Было ли это всей правдой показаний, полученных в 13-й части? Я имел право усомниться, ибо к тому времени уже знал о непримиримых разногласиях внутри Комиссии. Один из следователей, Владимир Руднев, демонстративно покинувший Комиссию, уже в эмиграции написал о причинах своего ухода: «В августе 17 года я подал прошение об отчислении меня ввиду попыток председателя Комиссии Муравьева побудить меня явно к пристрастным действиям».

И я отправился в архив, чтобы целиком прочесть показания, которые так пристрастно цитировал Симеон. Каково же было мое изумление, когда в фонде Чрезвычайной комиссии я их не нашел.

Эти документы исчезли.

Итак, исчезли показания ближайших друзей Распутина. А ведь в них-то, возможно, и было самое интересное! Ведь эти показания давали люди, видевшие его каждый день, те, кто согласились в силу каких-то причин преданно служить ему. В них могла быть разгадка – подлинный портрет, который я для себя уже назвал «Живой Распутин»...

Эти исчезнувшие показания и стали для меня «Тем Делом». Так началась моя охота за документами.

Писатель Григорий Распутин

В архиве я нашел довольно скудный «фонд Распутина». В нем были знаменитые телеграммы, которые он посылал царю и царице. Заботливо сохраняемые ими вплоть до революции, они были изъяты Чрезвычайной комиссией и впоследствии неоднократно публиковались в разных изданиях.

И там же я нашел некие загадочные и никогда не печатавшиеся телеграммы, посланные Распутину за подписью «Душка». Эти телеграммы (к которым мы еще вернемся) проливают особый свет на отношения Распутина и царицы...

Там же хранились и произведения самого Распутина – и самое сильное, самое таинственное, так и не изданное при его жизни «Житие опытного странника». И еще три (опубликованных прижизненно): «Великие торжества в Киеве» (во время этих торжеств был убит премьер Столыпин), «Благочестивые размышления» (сборник поучений) и «Мои мысли и размышления» (рассказ о поездке в Иерусалим). Разумеется, малограмотный Распутин сам их не писал. Он говорил, а некто за ним записывал (и с любовью записывал!). Мы еще вернемся к удивительному соавтору (точнее – соавторше) Распутина...

Изданные сочинения после революции были изъяты из библиотек и переправлены в закрытые хранилища. Они цитировались в книгах иностранных авторов о Распутине. Но его сильная, народная русская речь меркнет при переводе. Переводить его должен поэт.

Можно представить обольщение, которое испытывали слышавшие эту речь, видевшие «пронзительные волчьи глаза»... И опасные прикосновения его «электрических» рук – он часто дотрагивался до собеседников во время поучений...

Фальшивые дневники

И тогда же в архиве я нашел «Дневник Распутина». С подзаголовком: «писанный под его диктовку Крамер Л. П.»

Неопубликованный дневник Распутина! Это было счастье! Но восторг погас быстро. Многие истории и их герои в этом дневнике совпадали с тем, что я уже прочел в щеголевских «Протоколах». И все, что доказывала тогда большевистская историческая наука: разврат «старца», продажность высшего петербургского общества, жалкий тупой царь – все старательно было собрано в дневнике.

Вот Распутин поучает царя – стучит кулаком, объясняет глупому самодержцу загадку русского народа: «Ты как учить мужика думаешь? Через жопу?.. Жопу ему драть хочешь, а в голове у него такая злоба вырастет...» И далее поясняет: «С царями... (так Распутин называет императорскую чету. – Э.Р.) не разумом

надо, а духом... Они разума не понимают, а духа боятся»... Повелевает он и покорной царицей: решил Распутин заключить мир с немцами, и она благоговейно становится перед ним на колени, обещает немедля сделать... И конечно же – разврат с «прогневшей аристократией»: «Повезла мама (царица. – Э.Р.) меня к Кусихе (баронессе Кусовой – Э.Р.) в Павловск... Там еще генеральша была... Липучие они обе, как мухи... Сама ко мне липнет, а все боится, как бы не узнали».

Да, это была всего лишь идеологическая подделка. Недаром в подзаголовок «писанный под его диктовку» позже кем-то было стыдливо вставлено слово «якобы» – «якобы писанный под его диктовку».

Определить авторов этого документа нетрудно. Ибо они уже успели прославиться подобной подделкой, имевшей в те годы фантастический успех у читателей.

В 1927 году на страницах журнала «Минувшее» начал печататься «Дневник Вырубовой». Вся страна с упоением читала этот дневник, раскрывавший интимные подробности «разложения режима, так недавно правившего Россией».

Правда, очень скоро поползли слухи, что Вырубова тут была совершенно ни при чем. Авторами занимательной подделки называли двух знаменитостей: все того же издателя «Протоколов Чрезвычайной комиссии» Щеголева и известного писателя Алексея Толстого («красного графа», как часто его звали).

До этого Щеголев и Толстой уже успели вдвоем сочинить нечто похожее. Это была пьеса «Заговор императрицы» – о попытке Распутина произвести дворцовый переворот и сделать правительницей страны Александру Федоровну. Пьеса имела «анафемский успех» в Москве и Ленинграде, шла там одновременно в шести театрах.

И в 1927 году, когда праздновалась десятая годовщина падения царского режима, мощная идеологическая кампания по дискредитации царизма не смогла обойтись без Щеголева и «красного графа» (и они – без нее). Это был типичный социальный заказ: Щеголев предоставил материалы, Толстой написал – так появился лжевырубовский дневник. И огромный его успех, видимо, подсказал новую работу – «Дневник Распутина» должен был стать продолжением

«Дневника Вырубовой». Однако благодаря общительному (и часто пьяному) «красному графу» история фальшивки перестала быть тайной, так что об издании «продолжения» нечего было и думать. И, возможно, тогда ценивший литературные мистификации Щеголев и отдал «Дневник Распутина» в архив – пусть полежит до лучших времен...

И подделка осталась пылиться в архиве.

Недремлющее око полиции

Но, пожалуй, самыми забавными документами о Распутине, которые я прочел тогда в архиве, были тома донесений агентов полиции, наблюдавших за ним. Эти «агенты наружного наблюдения» должны были ежедневно писать отчеты обо всех передвижениях Распутина по городу, опознавать и описывать его бесчисленных посетителей (которые тут же попадали, как в капкан, под надзор полиции). Отмечались любые отлучки Распутина из квартиры, время его возвращений, адреса визитов и встречи по дороге. Ни один государственный деятель того времени не имел такого подробного «жизнеописания», как полуграмотный мужик Григорий Распутин...

Но находящиеся в архиве тома – всего лишь жалкие остатки. Часть полицейских документов погибла во время Февральской революции, когда горели охранные отделения, часть уничтожили сами высокие чиновники, ибо они тоже посещали Распутина, и он бывал у них. Министр внутренних дел Хвостов показал в Чрезвычайной комиссии: «При оставлении мной должности Штюрмер (премьер-министр. – Э.Р.) брал к себе документы, особенно о Распутине... главный интерес был к ним. Все тут же сожглось»...

Но и оставшиеся донесения раскрывают безумную мозаику распутинских дней – посещения ресторанов и цыганских хоров, встречи с министрами и политическими деятелями, пикантные сцены на кухне, подсмотренные агентами из-за отсутствия занавесок, мешанина его посетителей: кокотки, княгини, банкиры, дельцы, набожные почитательницы... Все фиксируют агенты: имена, время прибытия и ухода дам (подчас после ночи с мужиком)...

Еще один дневник

Но исчезнувшее «То Дело» не выходило у меня из головы. После начала перестройки я возобновил поиски. В начале 90-х тщетно искал его в Петербурге.

В Историческом архиве, расположившемся в роскошных зданиях бывших Сената и Синода (куда столь многих назначил простой мужик), из распутинских документов сохранилась только маленькая ученическая тетрабочка с портретом Пушкина и надписью «Девник» (то бишь «Дневник»). В свое время обнаружение этой тетрабочки вызвало волну статей в крупнейших газетах мира: найден дневник Распутина! На самом же деле наш герой заносил в эту тетрабочку (чудовищными каракулями) свои поучения. Название «Дневник» он, видимо, дал для важности, зная, что и царь, и царица ведут дневники.

И наконец в бывшем Музее Революции, помещавшемся в особняке балерины Кшесинской, я увидел еще одну сенсацию последнего времени: обнаруженные в 90-х годах фотографии из следственного дела об убийстве Распутина. Это вид двора Юсуповского дворца, по которому в декабрьскую ночь 1916 года бежал Распутин, пытаясь спастись от своих убийц, и фотографии его труп, вытасченного из реки, – изувеченного лица с запекшейся кровью и обнаженного тела с пулевыми отверстиями. Сам протокол вскрытия тела еще в 30-е годы хранился в Военно-медицинской академии, но вдруг таинственно исчез. Впрочем, тогда исчезали не только документы.

Вскоре исчезли и многие сотрудники, которые видели этот акт, – было время террора... Правда, осталось официальное свидетельство о сожжении трупы Распутина после Февральской революции.

Все это было интересно, но... никаких следов пропавших документов из 13-й части – следов «Того Дела» – я по-прежнему не нашел.

«Большая груда пепла»

В начале 90-х годов вышла моя книга о Николае II. Не обладая достаточным количеством материалов, я писал в ней о Распутине мало и осторожно. Тогда же на телевидении появилась моя передача «Загадки истории». После выхода книги на меня обрушился поток писем с просьбами сделать передачу о Распутине. И я решил снять историю его гибели.

Я попытался найти для передачи хоть какие-нибудь новые свидетельства о нем – помимо бесконечно цитируемых и переходящих из одной книги о Распутине в другую. Тогда я и вспомнил о рукописи, которую студентом видел в Архиве литературы и искусства. Это были воспоминания Веры Александровны Жуковской, молодой писательницы (родственницы знаменитого ученого Н.Е. Жуковского), о ее встречах с Распутиным. Однако эротика этих воспоминаний, весьма напоминая романы Арцыбашева, заставляла подозревать, что все это – литературный вымысел. Желание проверить подлинность фактов в рукописи заставило меня вспомнить о «Том Деле»...

Ибо, как писала Жуковская, попасть к «старцу» ей помог Александр Степанович Пругавин, знаменитый знаток русского сектантства. Более того, она утверждала, что впоследствии сама приводила Пругавина к Распутину.

Как легко можно было проверить достоверность ее истории! Ведь показания Пругавина о Распутине цитировались в постановлении Симеона, значит, они были и в «Том Деле»... Я должен был его найти!

Работая над передачей, я, естественно, думал и о бумагах Вырубовой. Несколько ее допросов опубликованы в щеголевских «Протоколах», но их должно было быть куда больше. Ибо, как отмечал следователь Руднев, 13-я часть «обратила особое внимание» на деятельность ближайшей подруги царицы и главной почитательницы «старца».

После гибели Распутина Вырубова жила вместе с Царской Семьей в Александровском дворце. В конце февраля 1917 года, когда восставшая толпа уже заполнила улицы столицы, наследник и великие княжны заболели корью. Заразившись от них, Подруга лежала в жару, без сознания. Очнувшись она уже в осажденном дворце, безнадежно тонувшем в море революции. Света не было, лифт не работал, царица металась между больными. Но едва оправившись, Вырубова начала жечь свои бумаги...

В конце марта Вырубову арестовали. Она предстала перед Чрезвычайной комиссией. В опубликованных показаниях на вопрос следователя: «Почему вы сожгли целый ряд документов?» она ответила: «Я почти ничего не жгла... сожгла только несколько последних писем императрицы, не хотела, чтобы они попали в посторонние руки».

Я хотел в это поверить. Может быть, действительно, главное ей удалось спрятать? Ведь не сожгла она впоследствии письма царственной подруги из тобольского заточения, несмотря на все призывы Аликс уничтожить их! И возможно, унесла она драгоценные документы с собой в ту ночь, когда ей удалось бежать из красной России по опасному льду Финского залива.

Вырубова – одна из очень немногих, кто был близок к Царской Семье и уцелел. Она прожила до 1964 года и благополучно умерла в Финляндии. Естественно, я отправился туда.

В Хельсинкском Национальном архиве мне показали ее полицейское досье. Там была запись допроса Вырубовой, произведенного финскими властями в городе Териоки – в карантине для беженцев. Финны понимали всю важность ее показаний. Как сказано в деле, «показания направлены премьер-министру и президенту».

Но ничего нового Вырубова финнам не сообщила. Ее ответы были добросовестным повторением ее же показаний Чрезвычайной комиссии: «Нет, царица не была в связи с Распутиным» и так далее... В досье были также бесконечные прошения о гражданстве, но ей, «большой почитательнице Распутина», финны постоянно отказывали. Мотив – «занималась политической деятельностью». В 1934 году за нее тщетно просил бывший царский кавалергард, ставший финским маршалом, барон Маннергейм. Но лишь спустя пять лет, когда он стал всемогущим лидером страны, его рекомендация возымела действие.

В 1923 году Вырубова написала и опубликовала на Западе свои воспоминания. Она хотела скрыться под девичьей фамилией «Танеева», но издатели не согласились. Никаких черновиков этих воспоминаний в архиве я не нашел.

В Финляндии она стала «тайной монахиней» (с правом жить дома, а не в монастыре, из-за инвалидности – ее изуродованной ноги). Я связался с монастырем, где приняла она тайный постриг, но и там ничего не обнаружил. Вырубова доживала свой век одиноко, почти ни с кем не общаясь. Я было подумал, что она дала некий обет молчания, но это оказалось не так...

В 1937 году, остро нуждаясь в деньгах, она пыталась издать новую редакцию своих воспоминаний и даже заключила контракт с финским издательством. Но пока писала, началась война. Когда-то Первая мировая разрушила империю и жизнь могущественной Подруги «царей», теперь Вторая разрушила надежды изгнанницы получить немного денег... Воспоминания о царе и царице России, воевавшей с Германией, оказались «не ко времени» в Финляндии – союзнице Гитлера. А после войны, когда НКВД хозяйничал в Финляндии и эмигрантов почти открыто вывозили в СССР, Подруга, вероятно, попросту боялась напоминать о себе. Только в 1953 году – в год смерти Сталина – она передала в издательство законченную книгу. Но и тогда ее не напечатали – видимо, рукопись не показалась издателю новой по сравнению с прошлым изданием.

В начале 80-х, уже после смерти Вырубовой и ее финского издателя, его дочь, разбирая бумаги отца, нашла конверт с фотографиями. На нем было написано: «Фото Анны Вырубовой с ее подписями на обороте». Нашла она и рукопись ее воспоминаний. В 1984-м книга была издана. Она не стала событием, ибо в ней, повторяюсь, не было нового. Но фотографии в книге – поражают. Особенно одна, где Александра Федоровна сидит в шезлонге на фоне Царскосельского парка... Какая грусть, какое безнадежное лицо у императрицы...

Прочтя эти мемуары, я окончательно понял: никаких документов Вырубова с собой не вывезла. Неужели она действительно все сожгла в Зимнем дворце? Я тогда еще не знал, что «То Дело» (которое я вскоре увижу!) даст мне разгадку.

«То Дело»: «Комендант Александровского дворца подполковник Коровиченко в присутствии дежурного офицера и члена исполкома Царскосельского гарнизона произвели осмотр помещений, которые занимала в Царскосельском дворце Анна Александровна Вырубова...

В камине спальни госпожи Вырубовой найдена большая груда пепла от сожженных бумаг...»

Из показаний Александра Оамерга, «исполнявшего должность скорохода при бывшем высочайшем дворе»: «Лакеи передавали мне, что 3 или 4 марта в камине ее (Вырубовой. – Э.Р.) комнаты они нашли большую кучу пепла от сожженных бумаг. Судя по количеству пепла, можно думать, что было сожжено очень много бумаг».

В отличие от предусмотрительной Подруги, царица, к великому счастью, не смогла сжечь большинство писем, ибо в них была ее любовь – бессмертная любовь к «дорогому Ники». Письма, которыми обменивались Аликс и Ники в дни войны, сохранились. И в них бесконечно упоминался Распутин. Если до 1914 года о его отношениях с Царской Семейей можно судить по показаниям свидетелей, то с первого дня войны о своих отношениях с Распутиным заговорят сами «цари».

Но комментировать эти письма мне помогла еще одна свидетельница...

Хозяйка маленького домика, затерянного в Канаде, сухонькая старушка, одетая в грубую черную юбку, потертый свитер и тяжелые коричневые туфли, когда-то владела дворцами, ей прислуживали десятки лакеев. Она умерла в 1960 году – как и Вырубова, сумела перешагнуть середину века. На ее похоронах в православном соборе в Торонто собрались остатки первой – величественной – русской эмиграции. От умершей остались старая мебель и огромный портрет Александра III, напоминавший о былом.

Это была великая княгиня Ольга, родная сестра последнего русского царя Николая II, младшая дочь Александра III. Ее память поразила журналистку, записавшую ее мемуары. Я пользовался этими воспоминаниями – еще одним голосом навсегда исчезнувшей России.

Воскресение Распутина в новой России

Но «Того Дела» я и тогда не нашел... Однако в 90-х годах выплыли из небытия документы о Распутине, хранившиеся в Тобольском и Тюменском архивах. Были найдены метрические книги Богородицкой церкви, по которым стало, наконец, возможно установить точную дату его рождения. В Тюменском архиве нашлись

«Дело Тобольской духовной консистории о хлыстовстве Григория Распутина» и «Дело о покушении на убийство Григория Распутина».

Я благодарю оба этих архива, переправивших мне ксерокопии хранившихся у них бесценных документов.

В последние годы Григорий Распутин начал «воскресать» в России. И в этом «воскрешении» немалая заслуга самого Распутина, вернее, его сочинений. В годы перестройки они вновь явились на свет, были напечатаны и произвели огромное впечатление: прекрасный народный язык, исчезнувший в годы «новояза», и великие библейские истины, забытые в стране, где незнание Библии было почти всеобщим, завораживали.

Новая «распутиниана» началась со справедливого ощущения, что образ Распутина, созданный в течение нашего столетия, – политическая легенда. И показания, опубликованные Щеголевым в «Протоколах Чрезвычайной комиссии», – это в основном тенденциозно подобранные показания его врагов. И в документах, клеймящих Распутина, есть множество несовпадений...

Но «восстановление справедливости» вылилось в нашу любимую «легенду наоборот»: «святой черт» Григорий стал «святым старцем» Григорием!

Русские мифы о демонах и святых... сколько их в XX веке: «кровавый Николай» – «святой Николай»; «святой Ленин» – «кровавый Ленин»; «отец и учитель» Сталин – «монстр» Сталин... И все эти новые исследования о Распутине закончились излюбленной версией о «жидомасонах»: «масонами был создан миф о Распутине – миф, имеющий целью очернить, дискредитировать Россию, ее духовное начало».

История продолжала улыбаться. Перед революцией и после нее тогдашние националисты обвиняли Распутина в том, что он агент масонов, что «черные силы масонства» воспользовались его влиянием на царя и царицу для выполнения своей программы. Теперь он был объявлен жертвой масонов. И если прежде Распутина называли «еврейским прихвостнем, окруженным евреями-секретарями», в нынешней России некто Н. Козлов счел убийство Распутина «ритуальным»: оказывается, Распутина убили евреи через руководимых ими масонов.

Так возник новый миф о крестьянине, хранителе исконных русских ценностей – православия, самодержавия и народности, – подвергшемуся травле врагов правосудия, мечтавших «развернуть Россию на Запад». Все стало просто, пошло и скучно.

Но создатели этого мифа могли утверждать все, что хотели. Могли называть ложью донесения агентов охраны, заявлять, что никогда Распутин не пьянствовал, не творил блуда – был чистым и добрым христианином.

Они имели на это право, ибо все порочащие Распутина сведения черпались из показаний его врагов. Показаний его друзей не было.

Не было «Того Дела».

«То ДЕЛО»

Готовясь к телевизионной передаче об убийстве Распутина, я ознакомился с архивом семьи Юсуповых.

Архив этот нелепо разбит на две части: основной фонд хранится в Российском Государственном архиве древних актов. Здесь – история возникновения несметных богатств древнего Юсуповского рода. Потомки татарских владык, перешедшие на службу к московским царям, за три века стали богатейшими землевладельцами: тысячи десятин земли принадлежали будущему убийце Распутина. В XIX веке стали они и крупнейшими промышленниками. В 1914 году их доход составил полтора миллиона золотых рублей. Богатейшая семья России!

Другая (небольшая) часть фонда хранится в Историческом музее. В этих двух хранилищах я и нашел переписку между Феликсом Юсуповым и его женой Ириной. Сохранились и письма к сыну Зинаиды Юсуповой – одной из главных ненавистниц Распутина.

Заговор против «старца», тайна отношений Феликса и Марии Головиной и, наконец, новая картина убийства Распутина открываются в этих письмах...

А потом подошел день съемки в Юсуповском дворце. Этот дворец полон тайн. Впрочем, тайны – в традициях Юсуповского рода. Прабабка убийцы Распутина была одной из красивейших женщин Европы. В ее апартаментах после революции большевики нашли потайную дверь, а за ней – гроб с истлевшим телом мужчины. Феликс впоследствии писал о ее любовнике-революционере, узнике Свеаборгской крепости, которому прабабка устроила побег и скрывала во дворце и до его смерти, и после.

В 1925 году в московских палатах XVII века, принадлежавших Юсуповской семье, строители обнаружили, что штукатурка под парадной лестницей несколько отличалась по цвету от стен. Пробив дыру, они проникли в кладовую, заставленную сундуками. Когда зажгли свечу, все вокруг заблестело – золото, серебро, фамильные драгоценности были свалены в открытых сундуках хозяевами, поспешно покинувшими страну. Там же найдены были и семейные документы, вошедшие потом в Юсуповский фонд.

День съемки оставил странное ощущение.

Утром я был приглашен на ланч к принцу Майклу Кентскому, гостившему в те дни в Петербурге. Потомок короля Георга V (двойника Николая Второго) принц Майкл похож на последнего русского царя – и чертами лица, и, что важнее, глазами: тоже нежно-печальное выражение, описанное во множестве воспоминаний. После встречи с родственником и ликом последнего царя я и поехал на съемку во дворец, где убили того, кто его погубил.

В Юсуповском дворце все сохранилось: я спускался по той же лестнице, на которой стояли великий князь Дмитрий Павлович и остальные убийцы, судорожно прислушиваясь к звукам, доносившимся из подвала. Я вышел в тот же двор, в который выбежал, надеясь спастись, истекавший кровью Распутин. А потом я вернулся в тот же подвал, превращенный Феликсом в изящную столовую, где князь стрелял в мужика... Сейчас здесь находились восковые фигуры, изображавшие Феликса и Распутина.

Меня закрыли в подвале, я остался один. Это было странное чувство: мне показалось, что я знаю этот подвал, хотя прежде никогда здесь не был. Где-то я уже видел это небольшое пространство, окна, чуть возвышающиеся над землей,

сквозь которые видны только ноги прохожих, мощные стены, не пропускающие звуков...

Да, то был двойник подвала в Ипатьевском доме, где расстреляли Царскую Семью.

Ночью после съемки я вернулся в Москву. На следующий день была премьера «Хованщины» в Большом театре, куда меня пригласил мой друг Мстислав Ростропович, дирижировавший оперой. Я глядел на сцену, на костюмы времен Московского царства, которые так любили носить на «исторических» балах Николай и Александра... Мне показалось, что вчерашний день продолжается.

И он продолжился.

По окончании оперы я пошел поздравлять Ростроповича. И тогда в артистической, набитой людьми, он мне сказал: «Я приготовил тебе такой подарок! Ты сойдешь с ума! Ты просто умрешь! Ты должен немедленно приехать ко мне в Париж!»... Он сделал паузу, но я уже знал, что он скажет.

И он сказал: «Я купил тебе на аукционе «Сотбис» документы... целое огромное дело. И знаешь – о ком?» Я знал. И он закончил: «О Распутине! Это допросы в Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Причем – множества людей, которые его знали».

Самый длинный день в моей жизни закончился.

В парижской квартире Ростроповича висят занавеси из Зимнего дворца с царскими гербами, а на стене – знаменитый серовский портрет Николая с невыразимо грустными глазами...

На столе лежал огромный том. Я открыл... Показания Филиппова, Сазонова, Вырубовой, Головиной... Это и было «То Дело», выдержки из которого цитировал следователь Симеон!

«То Дело», которое я столько искал!

Краткое описание

На типовой обложке – надпись: «Чрезвычайная следственная комиссия по расследованию противозаконных действий министров и прочих должностных лиц царского режима». Почти пять сотен страниц со штампами Комиссии. Все протоколы подписаны допрашиваемыми. Здесь автографы Вырубовой, знаменитых почитательниц «старца» Ольги Лохтиной и Марии Головиной, шефа жандармов Джунковского, полковника Комиссарова, тибетского врача Бадмаева, министра внутренних дел Хвостова, главы Московской охраны Мартынова... И автографы следователей 13-й части – обоих Рудневых и Гирчича.

Какое это было чтение! В «Том Деле» оказались сенсационные показания епископа Феофана – знаменитого церковного иерарха, аскета, благодаря которому (как часто утверждалось ранее) Распутин проник в Царскую Семью; показания монахов из далеких сибирских скитов и Верхотурского монастыря, где началось таинственное преображение Распутина... И, наконец, столь важные и желанные для меня показания тех, кто ценил и любил Распутина, без мнений которых трудно написать беспристрастную биографию его.

Первый среди них – Алексей Фролович Филиппов, издатель и «искренний почитатель Распутина», как справедливо называют его приверженцы новых легенд о «святом Григории». Но Филиппов был не просто «почитателем» – он был яростным защитником Распутина. Есть показания и Георгия Петровича Сазонова, другого «горячего почитателя Распутина», как его (опять же справедливо) характеризуют те же новые поклонники «старца». И знакомого Распутина – одного из таинственнейших людей Петербурга – врача Бадмаева, лечившего тибетскими травами важнейших царских сановников. И показания дам, подозревавшихся в самых близких отношениях с Распутиным: баронессы Кусовой, певицы Варваровой, вдовы есаула Воскобойниковой, кокоток Трегубовой и Шейлы Лунц. И, наконец, несколько длиннейших допросов его знаменитых поклонниц: Марии Головиной, «львицы петербургского света» Ольги Лохтиной, которую (как утверждали газеты) знакомство с Распутиным превратило в юродивую. И конечно же подруг царицы – Вырубовой и Юлии Ден.

«То Дело» позволило удостоверить и правдивость воспоминаний Жуковской, ибо в нем есть подробные показания самого Александра Степановича Пругавина. Знарок русского сектантства подтвердил все, о чем писала Жуковская: и свою помощь при ее знакомстве с Распутиным, и их совместные посещения «старца», и рассказы о нем Жуковской (как оказалось, впоследствии легшие в основу повести Пругавина о Распутине). Более того, эротизм писательницы, как считает Пругавин, «заставил ее стараться... до конца понять» загадочное учение «старца». Так что она хорошо знала, о чем писала...

И еще один источник, о котором идет речь в «Том Деле». Враг Распутина, монах Илиодор, опубликовал за границей свою знаменитую книгу о «старце» – «Святой черт». Многие историки считали ее лишь пасквилем, не заслуживающим внимания. Но в «Том Деле» имеются мнения о книге людей, в ней упомянутых. Оказалось, в главном Илиодор правдив: письма Государыни и великих княжон у него действительно были, и цитирует он их правильно. Был у него и дневник Лохтиной – это подтвердила на допросе она сама. Ознакомившись с книгой Илиодора, и Лохтина, и епископ Феофан делают лишь частные замечания. Так что и этим источником пренебрегать не следует.

Дом ИЗ НЕБЫТИЯ

Среди документов, которые я получил из сибирских архивов, была опись имущества, принадлежавшего Распутину, сделанная тотчас после его гибели, – подробное описание его легендарного дома в Покровском. Теперь я знал каждое кресло в его комнатах, ковры, часы – всю эту «городскую обстановку» на втором этаже, где жили «дуры» (его петербургские поклонницы), и вековой крестьянский быт в комнатах его семьи...

Я видел то, что видел он. Я слышал его речь, которая звучит в его сочинениях. Я знал, каким видели его те, кто ему поклонялись. Живой Распутин...

Я мог начинать.

Эта книга – как бы завершение следствия о таинственном человеке, начатого Временным правительством в 1917 году. Своеобразное «Дело о Распутине», где свидетельствуют только те, кто его действительно знал.

И главное – в ней впервые зазвучат голоса тех, чьи показания оказались в «Том Деле».

Когда-то, завершая книгу о последнем царе, я опрометчиво написал: «Неужели никогда не закончить мне эту книгу?»

И вот опять толпа прежних знакомцев ворвалась в мою жизнь. И опять мерещится все та же ночь – финал истории трехсотлетней империи в грязном подвале. И опять падает навзничь царь, и две девочки стоят на коленях у стены, закрывшись руками от пуль, и комендант Юровский вбегает в пороховой дым дострелить ползающего по полу мальчика...

Только теперь в этом дыму я вижу еще и бородатого мужика, который столько сделал, для того чтобы случился этот подвал! И который знал, что он случится!

Часть первая «Старец»

Глава 1 Загадочный странник

Легендарный период

Темна большая половина его жизни... В 1917 году следователи Чрезвычайной комиссии беседовали с односельчанами Григория Распутина – безуспешно пытались восстановить его раннюю биографию. Но создали лишь идеологическую версию о вороватом и пьяном с юности мужике. Мало помогают и написанные в эмиграции воспоминания дочери Распутина Матрены – плод общей фантазии ее и помогавшей ей журналистки.

Между тем в архиве существует собственный рассказ Распутина об этом периоде. В 1907 году, уже став своим человеком в Царской Семье, он говорил «царям» о своих странствиях по Руси. Тогда, очевидно, и было решено записать его рассказы. «Житие опытного странника» – так называлась запись... Но будем помнить: он излагал то, что хотели услышать его царственные почитатели – некое «Житие святого Григория», проще говоря, тоже легенду. Однако в этой записи мы можем найти следы самого интересного – таинственного преобразования Распутина. Добавлением будут служить те немногие документы о его прошлом, которые находятся в сибирских архивах.

Исчезнувший день рождения

Григорий Ефимович Распутин родился в слободе Покровской Тюменского уезда Тобольской губернии. Это затерявшееся в сибирских просторах маленькое село расположилось на берегу полноводной реки Туры, на большом тракте.

По этому тракту, протянувшемуся на многие сотни верст, гнали ямщики своих лошадей от уральского городка Верхотурья с Николаевским монастырем (который впоследствии так полюбит Григорий) по берегам Туры через Тюмень к Тобольску. По нему же через Покровское, мимо Распутинского дома, в страшном 18-м году поедет на Урал – на смерть – Царская Семья.

Загадочен сам день рождения нашего героя. До последнего времени биографы Распутина называли самые разные даты – в периоде с 1860 до 1870 года. Советские энциклопедии дают: 1864—65 годы.

По сей день в селе Покровском сохранились развалины Богородицкой церкви, в которой его крестили, а в Тобольском архиве – часть метрических книг из этой церкви. В одной из них есть запись о бракосочетании крестьянина Ефима Яковлевича Распутина, 20 лет, с девицей Анной Васильевной, 22 лет, дочерью крестьянина, которое состоялось 21 января 1862 года.

Анна исправно рожала дочерей, но они умирали. Наконец 7 августа 1867 года она родила мальчика, Андрея – вскоре умрет и он. (В семьях Гитлера и Сталина

все дети, рождавшиеся до них, тоже умирали, будто Бог предостерегал от появления младенцев на свет в этих семьях.) И наступил 1869 год...

До этой даты в метрических книгах нет сведений о рождении Григория. Так что ранее 1869 года он не мог родиться, и данные в наших энциклопедиях неверны. Но... все книги, датируемые этим и последующими годами, из архива исчезли!

Но в Тобольском архиве уцелела книга переписи жителей села Покровского за 1897 год, где рядом с именем Григория Распутина в графе «Год, месяц и день рождения по метрике», заканчивая все предположения, значится 10 января 1869 года. 10 января – день святого Григория, потому его так и нарекли.

Кстати, путаницу с датой своего рождения старательно создавал и... сам Распутин. В «Деле Тобольской консистории» (в 1907 году) он заявляет, что ему 42 года (прибавляет себе 4 года). Через семь лет, в 1914-м, во время следствия по делу о покушении на него Хионии Гусевой он говорит: «Зовут меня Григорий Ефимович Распутин-Новый, 50 лет» (прибавляет 5 лет). В тетради, куда царица заносила изречения «старца», с его слов записано: «Уже я прожил 50 лет, шестой десяток наступает». Запись датирована 1911 годом, то есть Распутин прибавляет себе 8 лет.

Впрочем, его упорство прибавлять возраст нетрудно понять – ведь царица называла его «старцем»...

Старчество – особый институт русской церковной жизни. В былые времена старцами называли монахов, чаще всего – отшельников. Но к XIX веку так зовут уже монахов, «отмеченных особым знаком», которые благочестивой жизнью, постами и молитвами заслужили право быть «избранными Богом». Всевышний дал им силу пророчествовать и врачевать. Это «водители душ», заступники за людей перед Богом. Но «старец» в народном сознании – всегда человек в годах, старик, много переживший и отринувший все земное.

И «старец» Распутин стеснялся своих отнюдь не старых лет. Ведь он был моложе царя... Оттого он и прибавлял себе годы, что было нетрудно при его морщинистом, рано постаревшем крестьянском лице.

Отец Распутина, как показывают свидетели, допрошенные в Чрезвычайной комиссии, много пил, но потом совладал с собой, обзавелся хозяйством – владел земельным наделом, зимой занимался извозом, а летом, как все крестьяне Покровского, промышлял рыбной ловлей и подрабатывал грузчиком на пароходах и баржах.

Постыдная фамилия

Его фамилия происходит от стыдного слова «распута». Трогательные попытки исследователей Распутина образовать его фамилию от «распутицы» или «распутья» особого доверия не вызывают.

«Распутин... происходит от нарицательного «распута» – безнравственный, непутевый» (В. Никонов, «Словарь русских фамилий»).

«Распута» – беспутный, непутевый, распутный человек. Иногда служило мужским личным именем. При Иване Грозном на Белом озере жил крестьянин Василий Кирьянов, давший своим сыновьям имена Распута и Беспута» (Ю. Федосюк, «Русские фамилии»)... Это весьма сомнительное для «святого человека» значение фамилии и станет причиной того, что царь попытается ее поменять.

Рос он невзрачным, тщедушным юношей, но уже тогда завораживал странным гипнотическим взглядом. И была в нем какая-то нежная мечтательность, вызывавшая насмешки грубых сверстников и притягивавшая девушек (по показаниям односельчан, его не раз заставляли с молодыми девками и не раз били).

Собирая по крохам биографию молодого Распутина, я нашел в газете «Новое время» за 1912 год статью известного журналиста М. Меньшикова о своей беседе с Распутиным. В ней – воистину поэтический рассказ самого «старца» о своем отрочестве: «В 15 лет в моем селе, когда солнышко сильно грело и птицы пели райские песни... мечтал я о Боге... Душа моя рвалась вдаль... я плакал и сам не знал, откуда слезы и зачем они... Так прошла моя юность... в

каком-то созерцании, в каком-то сне. И потом, когда жизнь коснулась меня... я бежал куда-нибудь в угол и тайно молился»...

Из дневника хозяйки знаменитого петербургского салона, генеральши Богданович: «26 февраля 1912. Обедал с нами Меньшиков... сказал, что видел Распутина... что он верующий, искренний и прочее».

«Радость страдания»

В бумагах Чрезвычайной комиссии есть показания односельчан Распутина о его греховной юности: «Отец посылает его... за сеном и хлебом в Тюмень, верст за 80, а возвращается он пешком, идет эти 80 верст без денег, и побитый, и пьяный, и порой без лошадей».

В этом невзрачном молодом крестьянине жила опасная сила, находившая выход в пьянстве и драках. Тесно ему было от этой звериной силушки, как от тяжелого бремени...

«Неудовлетворен я был, – рассказывал Распутин Меньшикову, – на многое ответа не находил и начал я попивать». Пьянство было нормой крестьянской жизни. Пил отец, таким же становился и сам Григорий. Теперь все чаще нежная мечтательность, за которую звали его презрительно «Гришкой-дураком», сменялась страшным буйством. И уже другой односельчанин описывает «Гришку буйного, наглого, с разгульной натурой», который «дрался не только с посторонними, но и с родителем».

«А все-таки в сердце помышлял... как люди спасаются», – рассказывал Распутин в своем «Житии». И это, видимо, было правдой. Тупая жизнь односельчан – крестьянский труд от зари до зари, прерываемый пьянством, – какая это жизнь...

Тогда что же такое жизнь? Он не знает. И продолжается пьянство. Денег на загулы не хватало, начались опасные дела... Его односельчанин Картавцев показывал на допросе: «Я поймал Григория на краже у меня остожья... Разрубив остожье, он сложил все на телегу и хотел увезти. Но я поймал его и хотел заставить везти краденое в волость... Он хотел бежать и желал было ударить

меня топором. Но я в свою очередь ударил его колом и так сильно, что у него из носа и рта потекла кровь ручьем... Сначала я думал, что убил его, но он стал шевелиться. И я повез его в волостное правление. Он не хотел идти... но я ударил его несколько раз кулаком по лицу, после чего он сам пошел в волость... После побоев сделался он каким-то странным и глуповатым».

«Ударил колом... потекла кровь ручьем», драки кровавые, беспощадные – в Сибири привычное дело. Распутин был телосложения отнюдь не богатырского, но, как мы увидим далее, обладал необыкновенной физической силой. Так что побои пожилого односельчанина вряд ли произвели на него особое впечатление. Недаром, как описывает Картавецев, он тотчас продолжил воровские дела: «Вскоре после кражи жердей у меня с выгона была похищена пара лошадей... Лошадей караулил я сам и видел, что к ним подъезжал Распутин со своими товарищами... но я не придавал этому значения... Через несколько часов после этого я обнаружил пропажу лошадей».

Лихие товарищи уехали в город продавать лошадей. Распутин же, по словам Картавецева, почему-то не поехал с ними, вернулся домой.

Что-то и вправду произошло с Григорием во время побоев. И объяснением Картавецева – «сделался он каким-то странным и глуповатым» – тут не обойтись.

Не смог понять простоватый мужичок темной, сложной природы Распутина. Видно, когда удар колом грозил погубить его, когда кровь залила лицо, Григорий испытал нечто... Избитый юноша ощутил в своей душе странную радость, то, что сам он потом назовет «радостью смирения, радостью страдания, поношения»... «Поношение – душе радость», – объяснял он через много лет Жуковской. Вот почему так покорно пошел Гришка на расправу в волостное правление. И потому после второй кражи не поехал в город продавать лошадей.

Может быть, с этого момента начинается его преображение. И односельчане, судя по всему, почувствовали перемену. Недаром после кражи лошадей, когда решался вопрос о высылке Распутина и его товарищей за порочное поведение в Восточную Сибирь, «по приговору общества выслали товарищей, а он уцелел»...

Пришла пора жениться – еще одни рабочие руки взять в дом. Жена его Прасковья (Параскева) Федоровна – из соседнего села Дубровного. Была она старше его, но в деревнях часто выбирали жену не за молодость и красоту, а за «крепость», чтобы могла хорошо работать и в поле, и дома.

Ему 28 лет, а он все еще живет в семье отца. По переписи 1897 года он не являлся самостоятельным: семью составляли «хозяин Ефим Яковлевич Распутин, 55 лет, жена его Анна Васильевна... сын Григорий, 28 лет, жена его Прасковья Федоровна, 30 лет». Все числятся земледельцами, и все неграмотны.

Прасковья была примерной супругой – родила Григорию сына и двух дочерей. Но главное – была хорошей работницей, а руки в распутинском хозяйстве были очень нужны. Ибо сам Григорий уже стал часто отсутствовать – ходил по святым местам. Его преображение окончательно свершилось.

«Я пришел к заключению, что в жизни Распутина, простого крестьянина, имело место какое-то большое глубокое переживание, совершенно изменившее его психику и заставившее обратиться к Христу», – напишет впоследствии следователь Чрезвычайной комиссии Т. Руднев.

Тайна начинается

«Я жил, как говорится, «в мире» до 28 лет... был с миром, любил... то, что в мире», – рассказывал Распутин. 28 лет – рубеж, после которого и свершилось преображение.

Как и отец, он подрабатывал ямщиком – возил седоков на своих лошадях по тракту. И однажды пришлось ему вести в Тюмень Мелетия Зборовского, студента Духовной академии, впоследствии епископа и ректора Томской Духовной семинарии. Заговорили они о Боге – и разговор произвел переворот в душе молодого Распутина. Видимо, душа его ждала давно такой беседы – о «Боге милостивом, который ждет возвращения к Себе блудного сына до последнего человеческого вдоха, и в час двенадцатый прийти к Нему не поздно». Мелетий сказал ему главное: «Иди и спасайся».

И захотелось продолжения той беседы... Но от худо образованного сельского священника в Покровском не сумел получить Григорий то, что получил от будущего магистра богословия. И тогда решил отправиться сам на поиски духовной пищи – «ангельского хлеба души человеческой».

Начинается жизнь странника. Сначала идет он в монастыри, близкие от Покровского, – в тюменские и тобольские обители. Во время странствий вдоль берегов полноводной Туры, как он писал в «Житии»: «Я воображал в очах картину самого Спасителя, как Он ходил берегами... Природа научила меня любить Бога и беседовать с Ним». Языческое, первобытное поклонение Природе важно для будущих его поучений: Бог, живущий в деревьях, звенящий в голосах птиц и глядящий из каждой травинки на путника...

В свое село Григорий возвращается иным. Именно тогда, в странствиях, он постигает некую мистическую тайну... Ж теперь его все чаще посещают видения, они становятся его реальностью. В этих видениях он все яснее «чувствует в себе Божественное»... «Как-то, – рассказывал он, – заночевал в комнате, где была икона Божьей Матери... посреди ночи проснулся и вижу, что икона плачет: «Григорий, я плачу о грехах людских. Иди, странствуй и очищай людей от грехов».

Но в Покровском не поверили вчерашнему пьянице и вору. Смеялись над ним и дома. И вот однажды, во время молотьбы, когда домашние стали потешаться над его рассказами, он «воткнул лопату в ворох зерна и, в чем был, опять пошел по святым местам».

Так он стал новым человеком – бросил пить и курить, перестал есть мясо и сладости. Он стал странником.

В старину странничество было важной частью жизни на Руси. Каждый крестьянин хоть раз в жизни совершал паломничество по святым местам – как правило, ходили в знаменитые монастыри, прославленные мощами великих святых и чудотворными иконами. Паломничали и дворяне (правда, в каретах, а крестьяне шли пешком с котомкой за плечами), и даже русские императрицы – Елизавета и Екатерина Великая. Но в конце XIX века странничество осталось уделом немногих. Святая Русь становилась легендой – уже редкие «Божьи

люди» бросали свои хозяйства и дома, чтобы отправиться на поклонение святым иконам и мощам.

В «Житии опытного странника» Распутин рассказывает, как побывал он в киевских монастырях, в московских и петербургских храмах. Он шел пешком из своего сибирского села, шел тысячи верст по бескрайним дорогам с котомкой за плечами, прося о подаении и ночлеге. И так – от села к селу, от храма к храму, от монастыря к монастырю... И крестьяне в селах почитали за Божеское дело дать ему пищу и приют. Они видели в странниках последних хранителей исчезающей богоугодной старины.

Порой на глухой дороге на незащитного странника нападали разбойники. Распутин рассказывает в «Житии»: «Я говорил им: «Это не мое, это Божье... вы возьмите у меня все... я вам с радостью отдаю».

Наконец на бескрайней дороге показывалось село с церквушкой, и «колокольный звон веселил сердце». Но радость встречи с Божьим Храмом бывала омрачена: «Дьявол о плотском шепчет усталому путнику: «Стань на паперти, собирай милостыню – дорога дальняя, денег много надо... помолись, чтоб тебя взяли обедать и накормили послаще»... Как мне пришлось с этими помыслами бороться...»

Могущественный святой

Распутин знает: главная сатанинская хитрость – убедить людей в том, что сатаны нет. Но для него сатана не просто явь – он все время рядом: «Является в виде нищего, нашепчет усталому, мучимому жаждой страннику, что до деревни много верст пути... но ты осенил себя крестным знаменем или запел херувимский стих... смотришь... тут и село».

Один из свидетелей, видевший его после очередного странствия, рассказывал в Чрезвычайной комиссии: «Он показался ненормальным... что-то пел... и размахивал, грозил руками»... Это останется у него навсегда – грозить сатане кулаками, призывая религиозными песнопениями Бога помочь в борьбе с дьяволом. «Враг хитрый... хочет вернуть в свою власть обретшую Бога душу... и люди ему помогают в этом... все следят за тем, кто ищет спасения, как за каким-

то разбойником, и все стремятся его осмеять...» – напишет он в «Житии».

Странная нервная организация Распутина причиняет ему беды, особенно весной (весна – время трудное для людей с особой психикой).

«Всякую весну я по 40 ночей не спал, – вспоминал Распутин, – так и проводил время с 15 до 38 лет...» Но в мире видений и чудес, где он теперь живет, излечиться просто: надо только с усердной молитвой обратиться за помощью к святому. И он обращается к Симеону Верхотурскому.

Постоянным местом странствий молодого Распутина был Верхотурский Николаевский монастырь, основанный московскими царями еще в XVI веке. Стоял он на холме при слиянии двух маленьких речек, и шли сюда богомольцы со всей Сибири поклониться мощам праведного Симеона.

Симеон Верхотурский стал любимым святым Григория. С ним связывал он зарождение своей загадочной силы.

Симеон родился в самом начале XVII века, жил на берегах той же Туры, странником ходил по окрестным селам или уединялся у реки. (Григорий видел камень под елью, где любил сидеть святой.) Смерть Симеона последовала от чрезмерного воздержания и поста в 1642 году.

Через полсотни лет, как написано в «Житии святого Симеона», «заметили, что его гроб стал подниматься из земли и сквозь расщепившиеся доски увидели нетленные мощи». И начались исцеления на святой могиле. Первый, с кем случилось это чудо, носил имя Григорий. Он «взял землю с гроба, отер ею члены и исцелился...» С тех пор паломники со всей Руси шли к могиле Симеона. В начале XVIII века состоялось торжественное перенесение его мощей в Николаевский монастырь.

«Симеон Праведный Верхотурский у врачевал мою болезнь бессоницы», – напишет Распутин. До смерти он будет посещать этот монастырь и возить туда своих почитательниц.

Симеона он призовет в помощники при первой своей попытке сблизиться с Царской Семьей. Икона с изображением святого станет первым его подарком «царям» – Симеон как бы сопровождает его на духовный подвиг. А когда жизнь Распутина пойдет под откос, Симеон сопровождает его и на смерть.

И летом 1918 года, когда погибнет Царская Семья, исчезнут и мощи святого Симеона Верхотурского, выброшенные из храма большевиками...

Во время преображения Распутина начинаются и его пророчества. Он рассказывал Жуковской: «Как посетил меня Господь... накатило на меня... и начал я по морозу в одной рубахе по селу бегать и к покаянию призывать. А после грохнулся у забора, так и пролежал сутки... Очнулся... ко мне со всех сторон идут мужики. «Ты, говорят, Гриша, правду сказал... давно бы нам покаяться, а то сегодня в ночь полсела сгорело».

Так начинается слава Распутина и слухи о его чудесах. Епископ Феофан, в то время инспектор Петербургской Духовной академии, говорил о нем тогда: «Дано ему было затворять небо, и засуха падала на землю, пока он не велит раскрыться небесам».

Но теперь из своих странствий он все чаще «возвращался с двумя-тремя странницами, одетыми в полумонашеское одеяние».

У него появились последователи. Точнее – последовательницы...

Молельня под конюшней

Недаром один из последних великих русских святых, живший уже в XIX веке, Серафим Саровский ходил в окружении молодых девушек – найти готовых к религиозному подвигу среди мужиков становилось все труднее... И неудивительно, что Григорий находит горячих поклонниц среди женщин. Среди первых его «учениц» – Дуня и Катя Печеркины (не сестры, как часто пишут в его биографиях, но тетка и племянница), живущие у него «из-за хлеба» (в

работницах).

Катя, тогда еще совсем молоденькая, поедет за ним в Петербург, станет его служанкой. Ей суждено будет увидеть лицо убийцы Распутина в ту декабрьскую ночь 1916 года...

Мужчин в «кружке» мало – его родственник Николай Распутин и двое односельчан – Николай Распопов и Илья Арсенов.

Во время расследования Тобольской консистории по обвинению Григория Распутина в сектантстве Николай Распутин покажет: «Моленная находилась тогда под конюшней». И свидетели подтвердят: «Собираются они в большом секрете и в подполе под конюшней поют и читают Евангелие, тайный смысл которого Распутин им объясняет». Но ничего более о «тайном смысле», открытом Григорием в молельне под конюшней, следствие не узнает.

Но в Покровском живет он недолго – покидает «учеников» и снова – в путь, по монастырям. Все суровой его странствия... «Теперь для опыта и испытания... не один раз приходил я в Киев из Тобольска, не переменил белья по полугоду... нередко шел по три дня, кушая только самую малость. В жаркие дни налагал на себя пост... не пил квасу, но работал с поденщиками, как и они... и убегал на отдохновение... на молитву», – рассказывал «царям» о своем преображении Распутин.

Но ничего не рассказал он о главном – о потаенных монастырских обителях, затерянных в глухих сибирских лесах, об удивительных верованиях – о том неофициальном «народном православии», которое, видимо, и оказало огромное влияние на полуграмотного сибирского мужика и его загадочное учение...

Потаенная религиозная жизнь столетиями существовала бок о бок с официальной церковью. И эта «другая Русь» поможет приподнять занавес над духовным миром Распутина.

Потаенная «Святая Русь»

Тысячу лет назад, в X веке, на Руси было принято христианство, но язычество так и не покинуло страну. Любопытный символ: христианские храмы на Руси часто имеют «в основании» святыни языческие. Как сказано в летописи: «Поставиши церковь святого Василия на холме, где прежде стоял кумир Перун...»

Языческие боги, от которых князья силой заставляли отказаться народ, продолжали незримо жить. Например, бог Велес, согласно древним верованиям «ведавший» плодородием, забавно преобразился в «угодника Божия святого Власия Чудотворца». Громыхавшего громами Перуна заменил громыхавший громами Илья-пророк... Языческий восторг перед природой, ее обожествление остались в людских душах. И та легкость, с которой народ после революции согласился по приказу большевиков уничтожать свои великие храмы, весьма напоминала легкость, с которой по приказам князей разбивали и жгли языческие святыни.

Тысячу лет целые края жили, соединяя язычество и православие. И святые целители существовали рядом с древними колдунами: целители лечили, а колдуны отводили (или насылали) порчу.

Заволжье и Сибирь были центрами этого опасного «народного православия».

Когда-то леса Заволжья сплошным массивом тянулись далеко на север. По берегам притоков Волги стояли редкие деревушки, разделенные непроходимыми чащобами. Тамошние православные жили отрезанными от остального «крещеного мира» и своими дикими обычаями походили на исконных обитателей тех мест, диких звероловов – черемисов и вотяков. «Жили в лесу, молились пенью (пням. – Э.Р.), венчались вокруг ели, а черти им пели», – так говаривали про жителей этого края.

В начале XVII века в непролазные дебри стали приходить новые жители – дети кровавого Смутного времени... Смута закончилась призыванием на царство династии Романовых, и участники недавних мятежей, те, кто запятнал себя разбоем и кровью, бежали сюда от гнева новых царей. В лесных краях

укрывались они от кнутов и виселиц. Это была своеобразная «русская Америка».

Вскоре явились и новые беглецы. При царе Алексее Михайловиче прошла церковная реформа: подверглось «подновлению» Святое Писание, и было внесено изменение в обряд «творения креста» – отныне креститься верующие должны были тремя перстами. Но многие объявили новые тексты Писания и новый обряд «прельщением сатаны», по-прежнему крестились двумя перстами и читали только старые «Божьи книги».

Начался великий раскол. Официальная церковь жестоко карала «старообрядцев». И заточения, и казни, и коллективные самосожжения сторонников старой веры – все было... Теперь в бескрайних лесах Заволжья и Сибири возникали их обители, до которых не могла дотянуться рука власти. «После раскола они держат своих попов и знать не хотят наших архиереев», – вынуждены были признать иерархи официальной церкви.

Но с развитием промышленности и вырубкой лесов раскольничьи обители отступали из Заволжья за Урал – в непроходимую сибирскую тайгу. Все триста лет Романовской династии жила неофициальная, но достаточно могущественная тайная «народная церковь».

Царь правит церковью

То, что начал Алексей Михайлович, – страшно продолжил его сын Петр Великий. Сей царь-реформатор уничтожил древнее патриаршество, открыто издевался над старинными церковными обрядами. Он учредил Святейший Синод для управления делами церкви, во главе которого стоял назначаемый царем обер-прокурор (само иноземное название этой должности звучало оскорблением для верующих).

Отец Николая Александр III был человеком искренне религиозным, но церковь при нем влачила все то же подчиненное власти царя существование. Во главе Синода стоял любимец императора Константин Петрович Победоносцев. Это был умнейший человек, но весь его ум (как часто бывает в России) был направлен на

подавление. Малейшее проявление свободы мысли и слова подвергалось его беспощадной атаке. Любой закон, могущий хоть как-то смягчить беспредельную власть царя над церковью, губился Победоносцевым на корню. Будучи обер-прокурором, этот глубоко верующий человек только и делал, что загонял великий, бесконечный мир церковной жизни в рамки беспощадного бюрократизма, заставлял церковных иерархов знать один закон – повеление царя и обер-прокурора. Официальная церковь находилась в состоянии глубокой летаргии.

А между тем общество кипело. Незадолго перед смертью Александр III имел разговор с одним из своих доверенных людей, генерал-адъютантом Рихтером. «Я чувствую, что дела в России идут не так, как следует», – сказал царь и попросил генерала высказать свое мнение. «Я много думал над этим, – ответил Рихтер, – и представляю страну в виде колоссального котла, в котором происходит брожение, а кругом котла ходят люди с молотками. Когда в его стенке образуется малейшее отверстие, они тотчас его заклепывают. Но когда-нибудь газы пробьют такой кусок, что заклепать его будет невозможно, и мы все задохнемся!»... И «Государь застонал, как от страдания», – вспоминал Рихтер...

Слабая церковь не могла помочь монархии в случае катастрофы. Люди, стоявшие на распутье, все чаще шли со своими проблемами или в революционные кружки, или к юродивым и старцам, или к сектантам – в затерянные в лесах обители.

Пророчества старцев И «РУССКАЯ МЕЧТА»

Жизнь Распутина перевалила за половину. Четвертый десяток ему пошел, а он все ходил по монастырям...

Трапезная... Свет лампад, старинные оклады, темные лики на иконах... В три ряда до самых окон – столы, а вокруг них скамьи. Здесь сидит не только монастырская братия, но и пришедшие в монастырь богомольцы – всем нашлось место за трапезой.

Какая галерея лиц, типов... Сколько подавленных или побежденных страстей... Сколько поучительных жизненных историй... По лицам научился Распутин читать

жалкие людские страсти. Видел он великую силу святости, которая помогала лечить неизлечимые болезни. Но знал он и сибирских колдунов-врачевателей, донесших из языческого прошлого тайны исцелений и заговоров. Тысячи лиц, встреч, исповедей и ночных разговоров...

Во главе среднего стола – старинное кресло, обитое побуревшей от времени кожей. Здесь сидит настоятель. Под киотом с иконами – книги в старых черных переплетах и кандия – медная чашка с крестом, служащая колокольчиком. Сколько раз слышал странник Григорий Распутин ее звон, призывающий к трапезе... Сколько раз смотрел во все глаза на неприметных с виду монахов-старцев, слушал рассказы о духовных подвигах в монастырях...

Великие старцы, достигшие нравственного совершенства и стяжавшие недоступную миру премудрость, жили в монастыре, как самые обычные монахи. Суровые уставы не позволяли выносить за монастырские стены духовные приобретения, оберегали подвижников от мирских соблазнов. Но то, что монах прятал от людей днем, ночью заносилось дрожащей старческой рукой в тетради.

У старцев учился Григорий ласковой, полной любви речи. Услышал он и их пророчества о гибели, нависшей над Романовским царством...

Мы знаем о подобных пророчествах оптинских старцев и Серафима Саровского. Но сколько других прозрений безвестных старцев погибло в разоренных Гражданской войной и уничтоженных большевиками дальних монастырях!

И это ощущение катастрофы, нависшей над царством, вынес Григорий из своих странствий. Узнал он и о новом духовном сообществе, подчинявшем сотни людей и тайно захватывавшем целые монастыри. Это удивительное движение, могучее фанатичной верой своих членов, кощунственно связало воедино изуверство, блуд и веру в Бога. Оно сыграло свою роль и в судьбе Распутина, и в судьбах империи.

Если другие христианские секты пришли к нам с Запада, то секты хлыстов и скопцов – русское явление. Забитость народа, жестокое угнетение крестьян, преследование старых обрядов родили «русскую мечту» о скором приходе Избавителя. Сначала ждали «земного» справедливого властителя – и оттого на протяжении двухсот лет, в XVII и XVIII веках, в стране непрерывно появлялись

самозванные «цари».

Самозванчество было во всех странах, но только в России оно приобрело небывалый размах и пользовалось небывалым успехом. Первый великий самозванец, беглый монах Григорий Отрепьев, объявил себя сыном Ивана Грозного и сумел сокрушить могущественного Бориса Годунова. И правил Московским царством, пока не убили его бояре. Но вместо одного самозванца тотчас явилось множество. Народ охотно шел в отряды этих «царей», и Русь потонула в великих кровавых мятежах Смутного времени.

Больше ста самозванцев объявились в России в течение двух столетий. Один из них, неграмотный казак Емельян Пугачев, к изумлению Европы, едва не победил саму Екатерину Великую!

Одновременно с самозванными «царями земными» появлялись и самозванные «цари небесные»...

«Христы»

Хлысты объявились в России в том же XVII веке – в царствование первых Романовых. Родоначальником хлыстовской секты стал некий Данила Филиппович, объявивший себя «богом Саваофом». Как описывают хлыстовские предания, «сей Данила Филиппович спустился с неба в превеликой славе в огненной колеснице» и остался на земле в образе человека. По той же хлыстовской легенде, за 15 лет до сошествия «Саваофа» Данилы Филипповича родился от столетней «богородицы» «сын божий Иван Суслов». В 30 лет он был позван «Саваофом» Данилой Филипповичем, и тот сделал Ивана «живым богом» – «Христом».

Так на грешной Руси появились «бог Саваоф» и «сын его Христос». И родившая «Христа» «богородица». Они пришли защитить нищий обиженный народ.

Согласно преданию, первого «Христа», Ивана Суслова, бояре схватили, привезли в Москву и распяли у кремлевских ворот. Но он конечно же воскрес. И опять его распинали, и опять он воскресал. Впоследствии и Суслов, и его мать умерли

(точнее, «вернулись на небо»), а новыми «христами» и «богородицами» стали другие люди. Но эта тленность хлыстовских «живых богов» совсем не смущала их темных последователей, ибо, по хлыстовским верованиям, с уходом из земной жизни очередного «христа» Святой Дух поселяется в новом теле. Так что много «мессий» жило в то время на горемычной русской земле...

Эта простодушная смесь язычества и православия должна была появиться в темной, беспощадно угнетаемой рабской России. Учение хлыстов открывало перед забитым крестьянином мир беспредельных возможностей, ибо говорило: каждый мужчина может стать «христом», каждая женщина – «богородицей». Надо только изгнать плотский грех, праведной жизнью и молитвами подготовить душу к сошествию в нее Святого Духа – взрастить в себе Христа, стать им. Святой Дух материально вселялся в души людей – эта мистическая буквальность была радостно принята неграмотными крестьянами. И каждая хлыстовская община («корабль», по терминологии хлыстов) имела своего «христа» и свою «богородицу».

Народ сначала звал сектантов «христами». Но принятый в секте обряд самобичевания – хлестания прутьями и жгутами (восходящий к языческим временам, но причудливо соединившийся с евангельским бичеванием Христа) дал секте новое название – «хлысты». Сами они называли себя «Божьими людьми», позднее – «христововерами».

Подготавливая души для прихода Святого Духа, они, естественно, проповедовали крайний аскетизм, но весьма неожиданно: подавление похоти проходило через... беспредельный разврат. Отказ от плотской жизни в семье в некоторых хлыстовских сектах выливался в беспорядочные половые связи между членами секты – «свальный грех». Это происходило на «радении» – главном хлыстовском обряде, опять же идущем от языческих колдунов и шаманов. Хлысты считали, что во время «радения» на них нисходит Святой Дух. И тогда все члены секты старались зачать как можно более «христов» и «богородиц», ибо эти дети будут рождены от Святого Духа. Зачатие происходило в великом безумии, предваряемом хлыстовской пляской.

Вот описание такого «радения» на маленьком острове в Каспийском море. Когда-то туда бежали старообрядцы, но уже в XVIII веке появились там и беглые хлысты. Их обычаи на острове сохранялись и в 60-х годах нашего столетия.

«В белых льняных рубахах, надетых на голое тело, спускались они в подпол избы... Там, в сухом подполе, зажгли свечи. В полутьме запели духовное, как объяснили потом – стих из пасхального канона: «Зряще веселимся божественне, яко воскресе Христос». После чего маленький старичок с радостными светлыми глазами – местный «Христос» – в мерцании свечей пропел хлыстовскую молитву... А потом с юношеской энергией начал «радеть» – вертеться на одном месте, крестясь и беспрестанно хлеща себя по телу. Хор пел молитвы... Все яростнее голоса, все жгуче, страстнее молятся – так, что некоторые уже в голос кричат, рыдают. Но вот старичок остановил свое верчение и дико вскричал: «Братцы! Братцы! Чую – Дух Святой! Бог во мне!» И начал пророчествовать, выкрикивая нечто нечленораздельное, в котором проступали отдельные выкрики: «Ой, Дух!.. Ой, Бог!.. Ой, Царь-Дух!..» После этого и начался общий и главный обряд «радения» – всеобщее верчение и пляска... Они верили, что в этом верчении-пляске меж ними появляется Святой Дух, и что в их поту воскресают капли Его пота во время моления в саду Гефсиманском. и, видимо, испытав физиологическое действие верчения, действующее на мозг подобно алкоголю, они называли его «духовным пивом»...

Все летит вихрем. Уже нет вертящихся людей – только волосы развеваются, широкие белые одежды кружатся... визги, крики... Пот течет ручьями – они в нем выкупались, как в бане... Пламя свечей колеблется и гаснет. И в темноте, опьяневшие от неистового верчения, они падают на пол...»

В этот миг на некоторых «кораблях» хлысты и «соединяются в любви». Но «свальный грех» – грех лишь для непосвященных. Хлысты же уверены, что грешат для подавления плоти – чтобы стать чистыми, чтобы воссияла в их душах братская «Христова любовь», освободившаяся от всяких плотских помыслов.

Грехом гнать грех — хлыстовское откровение.

В хлыстовщине – опасная отвага души: не бояться греха. Хлысты учат: за грехом у верующего всегда следует глубокое страдание от содеянного, а следом – глубокое покаяние, великое очищение души, приближающее человека к Богу. Необходимая «гимнастика души»: грех – покаяние – очищение...

Без хлыстовской идеи избавления от греха через грех, без понимания этой «духовной гимнастики», самого сознания важности, необходимости греха –

невозможно понять Распутина.

Официальная церковь с самого начала признала опасность секты и боролась с хлыстами. В Москве в 1733 году осудили 78 человек, руководители были казнены, остальные сектанты сосланы в отдаленные монастыри. Была раскопана могила Данилы Филипповича в Ивановском монастыре и сожжен его прах. Но это не остановило хлыстовского движения.

С начала XIX века к хлыстам уже шли не только неграмотные крестьяне. В самом Петербурге, в Михайловском замке, бывшей резиденции императора Павла I действовала тайная хлыстовская секта. Во главе ее была «богородица» Татаринова, урожденная баронесса Буксгевден. При замужестве она перешла из лютеранства в православие, и в тот момент «почувствовала, как в нее вселился Святой Дух», познала в себе дар пророчества. В безумных ночных хлыстовских верчениях, сопровождаемых бессвязными заклинаниями баронессы, участвовала высшая петербургская знать: генералы, князья, крупные чиновники – гофмейстер двора Р. Кошелев, министр просвещения и духовных дел князь А. Голицын... Сектанты тщательно охраняли тайну от непосвященных. Все царствование Александра I продолжалась деятельность секты Татариновой. Но обряды, носившие вначале строго аскетический характер, постепенно превратились в оргии. В 1837 году, уже при Николае I, Татаринову арестовали и заточили в монастырь.

И все же знатные люди, принявшие хлыстовство, были исключением. Хлысты оставались прежде всего крестьянской сектой – «странным народным православием».

Изуверские русские ереси

Идея «очиститься от греха через грех» вызывала сомнение у некоторой части «Божьих людей». И тогда мечта о победе над похотью и блудом, без которой невозможно стать «христом», родила новую, изуверскую идею.

В середине XVIII века из секты хлыстов выделилась секта скопцов. Ее основатель Кондратий Селиванов стал клеймить половую распущенность хлыстов и проповедовать абсолютный аскетизм, который, по его словам, достигался только «огненным крещением» – кастрацией. Основой учения скопцов стала строка Евангелия от Матфея, где Христос в беседе с учениками говорит: «...есть скопцы, которые оскотлены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного. Кто может вместить, да вместит».

Эти слова были поняты полуграмотными крестьянами как руководство к немедленному действию – начались массовые самоизувержения. Ужасной процедуре мужской кастрации с помощью раскаленного железа (употреблялся и топор) сопутствовала еще более страшная операция у женщин – вырезались наружные половые органы, сосцы и целиком груди. Была изобретена «высшая степень» оскотления – отрезание мужского полового органа «под корень»...

Все эти страшные уродования тела совершались членами секты добровольно. Скопцы готовились к вечной жизни и, опираясь все на ту же фразу из Евангелия от Матфея, верили в свои преимущества по сравнению с обычными людьми. И оттого песни на их «радениях» были полны радости и ликования.

Скопчество, как и хлыстовство, не осталось без внимания аристократии. Добровольно оскотлялись помещики, офицеры и даже священники. Сам царь Александр I уделил время беседе с Селивановым. И после этой беседы у скопцов появилась идея: направить своих «христов» на помощь царю, на спасение царства, которое тонет в воровстве чиновников и безверии. Был составлен целый проект грандиозного преобразования России с «Божьими людьми» во главе. При особе императора должен был состоять главный «христос» – сам Селиванов – и при каждом министре предполагалось иметь по «Христу». Проект был представлен Александру I в 1803 году. Идея рассердила царя, и автора проекта, польского дворянина скопца Елянського, отправили на покой в монастырь.

Ничего! Еще придет время для «Божьего человека» править страной...

Тайные странствия ПО ТАЙНЫМ «УГОЛОЧКАМ»

Но скопцы не стали массовой сектой – ею по-прежнему оставались хлысты. К концу XIX века их мощные «корабли» раскинулись по всей Сибири, распространились хлыстовские секты и по европейской России. На Втором съезде РСДРП Ленин говорил о хлыстовской тайной организации, которая уже «охватила огромные массы деревень и хуторов средней части России и распространяется все сильнее и сильнее...»

Хлыстовские общины были в Петербурге и его окрестностях, в Москве и в подмосковных городках. Марина Цветаева в автобиографическом очерке «Кирилловны» вспоминает, как в Тарусе поразили ее детское воображение хлыстовские «христос» и «богородица», приходившие в сад Цветаевых собирать яблоки...

По всему маршруту распутинских странствий стояли «корабли» – загадочные общины «христов» и «богородиц». Загнанные официальной церковью в подполье, они выработали правила поведения хлыстов в миру. «Наши», «свои» – так называли хлысты друг друга. Вместо имен они пользовались конспиративными кличками.

«Наши», «свои», клички – все это вскоре зазвучит в царском дворце, все это мы еще услышим и от фрейлины Вырубовой, и от самой царицы.

И в «сочинениях» Распутина мы найдем многие любимые мысли хлыстов, прежде всего – поношение официальных священников и презрение к книжной учености церковных иерархов. «Мне пришлось много бывать у архиереев, много я беседовал с ними... их учение остается ничтожным, а слушают простые слова твои... Ученость для благочестия ничего... Буква запутала им голову и свила ноги и не могут они по стопам Спасителя ходить». Оттого-то служители церкви и не могут дать верный совет нуждающимся в пище духовной... И Распутин добавляет важную фразу: «Кто может совет дать, так они в уголки позагнаны...»

«Позагнанные в уголки» хлыстовские секты, разбросанные по всей России, поддерживали между собою непрерывающуюся тайную связь. Для нее использовались посланцы – «серафимы» или «летучие ангелы», странники, бесконечно путешествующие между «кораблями».

Может быть, здесь и скрыта загадка первой половины беспокойной жизни «опытного странника»? В «потаенной Руси», в хлыстовской секте он начал свой путь к Богу. Там он познал мистическую тайну – возможность воспитать в себе «христа». Недаром уже тогда, в темный период его жизни, возникло это расследование...

Первое обвинение

В 1903 году, когда известность Распутина начинает доходить уже до Петербурга и начинается его первое преследование со стороны церкви, в Тобольскую консисторию доносят о том, как странно ведет себя этот «Божий человек» с женщинами, приезжающими к нему «из самого Петербурга», об их «страстях, от которых он избавляет их... в бане»... И о том, что уже в молодости Распутин «из своей жизни на заводах Пермской губернии вынес знакомство с учением ереси хлыстовской».

В Покровское был послан следователь, однако ничего порочащего он в тот раз не обнаружил. Но с тех пор и до смерти Распутина не оставит имя «хлыста».

Глава 2 Путь во дворец

Завоевание столицы

Ему исполнилось 33 года. И, видимо, не случайно в это время (возраст Христа) он начинает готовиться к путешествию в столицу, куда уже пришел слух о нем. Он еще молод. Но его лицо в морщинах от солнца и ветра бесконечных странствий. Мужичье лицо, оно порой и в двадцать пять – лицо старика...

В странствиях научился он безошибочно распознавать людей. Святое Писание, поучения великих пастырей, бесчисленные проповеди, им выслушанные, – все

впитала его цепкая память. В хлыстовских «кораблях», где соединяли языческие заговоры от болезней с силой христианской молитвы, учился он врачевать. Он постиг свою силу. Ему достаточно наложить на больного свои нервные, беспокойные руки – и болезни растворяются в них.

Накануне Первой русской революции появляется Распутин в Петербурге, чтобы погубить и город, и тот мир, который всего через 14 лет станет «Атлантидой», невозвратным воспоминанием...

В гордую нашу столицу

Входит он – Боже спаси! —

Обворожает царицу

Необозримой Руси...

Как не погнулись – о горе! —

Как не покинули мест

Крест на Казанском соборе

И на Исакии крест?

(Н. Гумилев)

Встреча со сталинским патриархом

В столице, наконец, заканчиваются легенды и предположения о Распутине. Начинается его история, подтвержденная показаниями свидетелей и документами.

В Петербург Распутин (по его словам) отправился, имея великую цель – выпросить деньги на строительство церкви в Покровском: «Сам я человек безграмотный, а главное, без средств, а Храм уже в сердце перед очами стоит...»

Войдя в великий город, «перво-наперво в Александро-Невскую Лавру пошел». Отстоял молебен и надумал отчаянное – «направиться к проживавшему в Лавре епископу Сергию, ректору Духовной академии». Воистину безумная выдумка! Вид у него был подозрительный – стоптанные сапоги, нищая поддевка, спутанная борода, волосы, причесанные, как у полового в трактире (так описал Распутин видевший его в том году монах Илиодор). И этот жалкий мужик направляется к покоям епископа и просит швейцара «оказать милость» – доложить о нем Сергию. «Швейцар оказал мне милость – дал в шею. Я стал перед ним на колени... что-то особенное понял он во мне и доложил». Так благодаря «чему-то особенному» попал мужик с улицы к самому епископу.

И тотчас его обворожил! Пораженный его речами, Сергий поселил безвестного мужика у себя в Лавре. И не только... «Владыка, – вспоминал Распутин, – познакомил меня с высокопоставленными».

Среди «высокопоставленных» – знаменитый аскет и мистик Феофан, которого принимают в царском дворце.

Так описал свой приход в Петербург Распутин в «Житии опытного странника». Но легендарный период закончился. В «Том Деле» оказались показания «высокопоставленного» Феофана о первой встрече с Распутиным, совершенно опровергающие его выдумку..

На допросе в 13 – й части Чрезвычайной комиссии Феофан, епископ Полтавский, 44 лет, показал: «Впервые Григорий Ефимович Распутин прибыл в Петроград зимою во время русско-японской войны из города Казани с рекомендацией ныне умершего Хрисанфа, викария Казанской епархии. Остановился Распутин в Александре-Невской Лавре у ректора Петроградской Духовной академии епископа Сергия».

Так что – не было «несчастливого странника», который униженно молил швейцара «оказать ему милость». Распутин прибыл в Петербург с рекомендательным письмом от одного из могущественных иерархов церкви и конечно же не только незамедлительно был принят Сергием, но и поселен в Лавре.

Кстати, Хрисанф не случайно дал Распутину письмо именно к Сергию. Это имя гремело тогда не только в церковной среде. В те годы 40-летний епископ вел знаменитые религиозно-философские собрания. Они воистину стали событием в жизни общества и... отчаянной попыткой преодолеть губительное разъединение официальной церкви и интеллигенции.

Узкий вытянутый зал петербургского Географического общества набит до отказа. Представители духовенства и знаменитые деятели русской культуры говорят о духовном кризисе в стране, об опасной деятельности сект. Интеллигенция с горечью упрекает церковь в том, что она все чаще ассоциируется в обществе с мракобесием, что проповедники не раскрывают пророческую и мистическую сущность христианства, но говорят лишь о «загробном идеале», забывая о земной жизни.

Епископ Сергей, автор смелых богословских исследований, недавно назначенный главой Духовной академии, сумел в накаленной обстановке, в ярости споров найти нужный тон. Он представал перед собравшимися не исполненным важности иерархом, но просто добрым христианином, который будто говорил: «Любите друг друга, не надо ссориться, и только так спасем страну...»

Всего состоялось 22 встречи, 22 жарких диспута. В апреле 1903 года обер-прокурор Победоносцев запретил собрания.

Удивительны судьбы человеческие! В 1942 году Сталин решит восстановить патриаршество. И первым Патриархом всея Руси станет Сергей.

Хрисанф верно выбрал покровителя Распутину: будущий Патриарх был открыт новым веяниям, народный пророк из Сибири был ему очень интересен. И Распутин не обманул ожиданий – «особенное» в прищельце воистину поразило Сергия. И он представил Распутина «высокопоставленным».

Из показаний Феофана в «Том Деле»: «Как-то он (Сергий. – Э.Р.) пригласил нас к себе пить чай и познакомил впервые меня, нескольких монахов и студентов с прибывшим к нему Божьим человеком или «братом Григорием», как мы тогда называли Распутина... Он поразил всех нас психологической

проницательностью. Лицо у него было бледное, глаза необыкновенно проницательные, вид постника. И впечатление производил сильное».

В Петербурге уже ходили слухи о необычайном даре Распутина, и «высокопоставленные» захотели пророчеств. И «брат Григорий» потряс их...

«В то время, – продолжает Феофан, – находилась в плавании эскадра адмирала Рожественского. Поэтому мы спросили Распутина: «Удачна ли будет ее встреча с японцами?» Распутин на это ответил: «Чувствую сердцем, утонет»... И это предсказание впоследствии сбылось в бою при Цусиме».

Что это было? Умный крестьянин познал изнутри всю слабость великой страны? Или попросту был в курсе того, о чем писали тогда все русские газеты, – эскадра, составленная из допотопных кораблей, открыто, без всякой секретности плывшая сразиться с современным японским флотом, была обречена? Или... или дано ему было постигнуть тайное?

Далее Феофан рассказал, как Распутин «студентам Академии, которых он видел впервые, верно сказал – одному, что тот будет писателем, другому... указал на болезнь его, а третьему пояснил: «Ты простая душа, но этим злоупотребляют твои друзья...» После этого случая Феофан окончательно поверил в пророческий дар Григория. «В беседах Распутин обнаруживал тогда не книжную начитанность, а добытое опытом понимание тонких духовных переживаний. И проницательность, доходившую до прозрения...»

«Черные женщины»

Итак, Распутин произвел сильное впечатление на Феофана, который даже пригласил «брата Григория» переехать жить к нему на квартиру. И уже вскоре благодаря Феофану Распутин оказался в одном из самых влиятельных домов в Петербурге – во дворце великого князя Петра Николаевича.

Во дворце главенствовали две женщины – Милица и Анастасия, дочери черногорского короля Николая Негоша. Старшая, 37-летняя Милица, была женой

Петра Николаевича. Годом младшая Анастасия (Стана, как ее звали в семье) была замужем за герцогом Лейхтенбергским, имела от него детей. Но с сестрой была неразлучна – дневала и ночевала в ее дворце.

Частым гостем Милицы был родной брат ее мужа, великий князь Николай Николаевич. И очень скоро светские сплетники объявили о романе Станы с великим князем... 47-летний гигант, лихой кавалерист, любимец гвардии – одна из колоритнейших фигур того времени. «Грозный дядя» – так звала его молодежь в Романовской семье – был очень близок к царю.

Но еще ближе к царице были черногорские принцессы. С первых дней в России Аликс столкнулась с холодным недоброжелательством двора, и только черногорки сумели окружить ее теплом и почти рабским поклонением.

Двор почувствовал угрозу. В случае брака Станы с Николаем Николаевичем образовывался влиятельнейший клан – опасный клан... Двор знал и мощь влияния Аликс на царя, и расстановку сил в семье Николаевичей. Князь Петр – безволен и нездоров, а о «Грозном дяде» вдовствующая императрица Мария Федоровна отозвалась так: «Он болен неизлечимой болезнью – он глуп». Скажем уклончивее – по-солдатски прямолинейно... Но оба Николаевича находились под сильным влиянием старшей черногорки – умной и властолюбивой Милицы.

Милица слыла великим знатоком мистической литературы, страстно интересовалась сверхъестественным. Ей послушно следовала сестра Стана – недаром они родились в Черногории, стране ведьм и колдунов. «Черные женщины» – зло называли принцесс при дворе.

И Феофан не случайно был частым гостем во дворце Милицы: «Я больше других интересовался мистической стороной жизни... С особами царствующего дома я познакомился... в бытность мою инспектором Петроградской Духовной академии... Петр Николаевич и Милица Николаевна посещали Духовную академию и встречались там со мною... Я слышал, что особы царствующего дома хотят со мною познакомиться ближе, но, по своим убеждениям, как монах, я избегал этого... Как-то в страстную субботу великая княгиня Милица Николаевна пригласила меня к себе исповедовать ее. Не зная, как поступить, я обратился к митрополиту Антонию и с его благословения поехал к ней. И после этого стал бывать в ее доме...»

Феофану было о чем беседовать с Милицей. «Великая княгиня Милица Николаевна была очень начитана... знала свято-отеческую, мистическую и аскетическую литературу и издала даже собственный труд – «Избранные места из Святых Отцов».

Из дворца Милицы для Феофана лежал прямой путь в царский дворец. «В дом бывшего императора... я был приглашен впервые великой княгиней Милицей Николаевной...»

Так что из бесед с Феофаном его новый постоялец мог догадаться, откуда идет дорога в Царскую Семью. И Распутин понял – скоро и ему «откроется калитка»...

Очередная загадка Распутина

И действительно, разве мог Феофан, пребывавший тогда в восхищении от сибирского мужика, не поделиться своими восторгами с Милицей, интересовавшейся всем чудесным? «Бывая в доме Милицы Николаевны, я проговорился, что у нас появился Божий человек Григорий Распутин. Милица Николаевна заинтересовалась моим сообщением, и Распутин получил приглашение явиться к ней».

А дальше – все было уже в руках Григория. Конечно, он сумел поразить великую княгиню и вскоре приходил к ней во дворец уже сам.

Из показаний Феофана: «Был он там без меня, и, видимо, привлек ее внимание, и его не только стали приглашать, но Милица Николаевна меня просила, чтобы я давал Распутину приют у себя, когда он будет приезжать в Петроград».

Но дальше начинается загадка. Согласно многим биографиям Распутина, Милица и Феофан ввели его в царский дворец. Однако в своих показаниях Феофан утверждает иное: «Каким образом Распутин познакомился с семьей бывшего императора мне совершенно не известно. И я решительно утверждаю, что в этом я никогда ему ничем не содействовал. Догадываюсь, что Распутин проник в

царскую семью не совсем прямым путем... Сам Распутин об этом не говорил никогда, несмотря на то, что он вообще достаточно разговорчив... Я замечал, что у Распутина было сильное желание попасть в дом бывшего императора, и что проник он туда против воли великой княгини Милицы Николаевны. Сам Распутин признавался мне, что он скрывает от Милицы Николаевны знакомство свое с царской семьей».

Но как же тогда попал безвестный сибирский крестьянин в Царскую Семью?

Глава 3 В ожидании Распутина

Страх и кровь царей

Семья, с которой познакомился Распутин, ждала его давно. Мистическое ощущение неминуемой катастрофы, владевшее тогда всем русским обществом, жило в этой Семье...

Николай II вступил на трон совсем молодым человеком и мог полагать, что ему удастся отпраздновать славный юбилей – трехсотлетие его династии. Но готовясь к великой дате, Николай, который любил историю (почетный председатель Русского исторического общества), не мог не задуматься о некоторых закономерностях в истории династии за эти 300 лет.

Как мало жили цари из рода Романовых... И как много пролитой крови... Петр Великий казнил сына Алексея, проклявшего, по легенде, и отца, и весь свой род. Жертвами семейных переворотов стали малолетний Иоанн Антонович и Петр III – оба убиты в царствование просвещенной Екатерины Великой... В столь любимом Николаем Царском Селе, где постоянно жила Семья, во дворце стояла мебель времен Екатерины, и в залах пахло теми же духами, что и в ее времена. Все было проникнуто воспоминаниями о великой императрице, в царствование которой... убили двух законных царей!

Через весь XVIII век шла эта эстафета семейных убийств, а в первый год нового, XIX века сын Екатерины Павел I был зверски убит участниками заговора, о котором, возможно, знал его собственный сын Александр! Да и как закончил свою жизнь сам Александр I, неизвестно. То ли, как было объявлено, умер в Таганроге, то ли, согласно преданию, в царском гробу похоронили другого, а царь ушел странником в Сибирь и, приняв постриг и имя «старца Федора Кузьмича», остаток жизни замаливал семейные грехи, омрачившие целый век. Во всяком случае, об искуплении этих грехов посмел говорить двоюродный брат Николая II известный историк великий князь Николай Михайлович, веривший в легенду о Федоре Кузьмиче и все пытавшийся отыскать ей подтверждение в секретном семейном архиве.

Да и сохранилась ли сама династия Романовых? Не закончилась ли она в дни царствования Екатерины Великой? В ее воспоминаниях, столь долго хранившихся в секрете в царском архиве, есть намек на то, что несчастный Павел рожден не от мужа, царя Петра III, но от любовника...

Кровь и тайны... Династия, которая была тайной для самой себя... Таково ее трехсотлетнее прошлое.

И сама столица, Петербург, – этот мистический город призрачных белых ночей, воздвигнутый на крови тысяч строителей, замученных жестокостями и болотной лихорадкой... был проклят одной из Романовых! Сосланная в монастырь первая жена Петра Великого Евдокия прокляла новую столицу ужасным криком: «Быть тебе пусто!»

Воспоминания о пролитой крови преследовали Николая с детства. Он рос в Гатчинском дворце – любимом дворце удушенного Павла I. Как вспоминала сестра Николая, великая княгиня Ольга, слуги уверяли, будто видели ночью в дворцовых залах неприкаянный дух убиенного императора. И Ольга, и Ники боялись... и мечтали увидеть призрак прапрадеда.

Но кровь была не только в истории. Николай увидел ее в начале жизни, когда от ран, нанесенных бомбой народовольцев, скончался его дед Александр II. В тот день 13-летний Николай был объявлен наследником престола.

С крови началось его восхождение на трон...

«Иов Многострадальный»

С детства он молчалив, замкнут. Мистическое чувство – предопределенность несчастья – жило в юноше. Указанием на ужасное будущее Николай считал саму дату своего рождения – он был рожден «в день Иова Многострадального».

Его разговор с премьер-министром Столыпиным цитирует французский посол Морис Палеолог:

«– Знаете ли вы, когда день моего рождения?»

– Разве я могу не знать, Государь? Шестого мая.

– А праздник какого святого в этот день?.. Иова Многострадального. У меня более чем предчувствие... глубокая уверенность: я обречен на страшные испытания».

Как эхо этого разговора звучат строчки воспоминаний великой княгини Ольги: «Он очень часто обнимал меня и говорил: «Я рожден в день Иова Многострадального, и я готов принять свою судьбу». Туже тему продолжает грустная строка из письма царицы от 4 мая 1915 года: «Ведь ты родился в день Иова Многострадального, мой бедный друг...»

Ощущение грядущей гибели преследовало и нервную Аликс. И потому скромная дармштадтская принцесса в ответ на предложение стать женой наследника российского престола (в которого была влюблена) залилась вдруг беспричинными слезами. «Она плакала все время и только от времени до времени произносила: «Я не могу...», – записал Николай в дневнике.

И как доказательство справедливости предчувствий была обильная кровь в день главного события их жизни – коронации, этого мистического обручения с Россией. Давка на Ходынке и сотни трупов, которые всю ночь вывозили с кровавого поля... Нетрудно представить, как все это подействовало на царскую чету, столь склонную к мистике.

И уже в начале XX века предчувствия становятся реальностью. Кровь стала частью российской жизни. Жестоко и часто начинают рваться бомбы русских террористов, гибнут царские сановники... Только в первые годы нового века от рук революционеров погибли министр просвещения, генерал-губернатор Финляндии и два министра внутренних дел. От смерти не спасала теперь никакая охрана...

Приблизились дни печали «Иова Многострадального». В его дневнике – покорные записи после гибели министров: «Нужно со смирением и твердостью переносить испытания, посылаемые нам Господом», «На то Его святая воля». Телец, предназначенный на заклание...

Но у жены его – иной характер. Она будет бороться с судьбой. И она ищет защитника от грядущих несчастий.

В ПОИСКАХ ИЗБАВИТЕЛЯ

Ее тогдашние неразлучные подруги – черногорские принцессы. Как справедливо говорил Феофан, «родившиеся в бедной стране, где аристократия гораздо ближе к простому народу». Они и принесли во дворец эту идею: в простом народе, в простых людях скрыты и правда, и чудо, и сила. Надо только заключить союз с народом напрямую, минуя мздоимцев-чиновников, чванливых придворных. «Народ и царь – и между ними никого»...

Кстати, это была идея, объединявшая всех русских интеллигентов, даже самых радикальных, ненавидевших царей и ненавидимых царями. Все наши «властители дум», столь часто ссорившиеся друг с другом и отрицавшие порой друг друга – Толстой, Достоевский, Тургенев, – все направления русской философской мысли сходились на этой идее: только простой народ, нищий, голодный, неграмотный и забитый, владеет некоей сокровенной истиной. Только там, во тьме нищих изб, остался истинный дух Христа, сохраненный постоянным страданием. Только у него, у простого народа, и следует учиться христианской жизни.

Русский царь исповедовал ту же идею!

Царь с нецарственным обликом, застенчивый, малорослый – он неуютно чувствовал себя на балах, на заседаниях правительства, в обществе царедворцев и министров, где (как ему казалось) его все время сравнивали с умершим гигантом-отцом. Насколько было радостней ему с простыми людьми – в атмосфере обожания, преклонения...

Так возник парадокс – царь начал стремиться к общению с простым народом. Один за другим приходят во дворец «народные посланцы» – их находят черногорские принцессы. Великий князь Николай Николаевич сообщает племяннику о некоем маленьком чиновнике Клопове, который жаждет донести до царя народную правду – пишет ему бесконечные письма о казнокрадстве в мукомольном деле. И вот уже письма принесены черногорками, с восторгом прочтены вслух Аликс и Ники... Голос человека из народа услышан, Клопов вызван во дворец. После беседы царь отправляет его по России с самыми широкими секретными полномочиями. Человек из народа должен принести во дворец народную правду о злоупотреблениях чиновников. Но первый опыт встречи с «народным посланцем» окончился конфузом: к сожалению, бедный Клопов не разобрался ни в чем, кроме своего мукомольного дела...

Однако начало положено. Дочь английской принцессы Аликс и сын датской принцессы Ники влюбились в благородную идею единения с простым народом.

В то время Аликс рождает девочек. Одна за другой появляются на свет три великие княжны – Ольга, Татьяна, Мария. Но родить мальчика, наследника, будущего венценосца – царица никак не может. Не может исполнить главного своего предназначения...

Но оказывается и тут могут помочь они – выходцы из простого народа. Ибо народ, в душе которого – Христос, таит в себе неисчерпаемые возможности чуда... И теперь во время встреч с черногорками Аликс выслушивает рассказы Милицы о «Божьих людях» и старцах, которым дана свыше особая, великая сила.

Лицо Милицы... «С большими продолговатыми черными глазами, усталыми и гордыми... оно казалось неживым, как лицо старинного портрета... Она была

как-то неестественно бледна», – описывает ее Жуковская. Милица щедро открыла перед Аликс мир чудес, потрясший внучку скептической королевы Виктории. В нем все было переплетено – тайны Заратустры; языческий мир Черногории, где в горах, поросших лесами, живут колдуны, которым дано беседовать с мертвыми; и чудеса православных великих старцев из русских монастырей. Милица создала этот удивительный симбиоз, объединенный лишь одним – манящей силой чуда

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/edvard-radzinskiy/rasputin-zhizn-i-smert>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)